

ФИЛОСОФИЯ

УДК 304.2

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ВЫЗОВЫ НА ИЗЛЕТЕ ЭПОХИ МОДЕРНА

К.И. Кийченко

Осмысляются важнейшие социокультурные трансформации современного западного общества, связанные с иссяканием творческих импульсов эпохи модерна. Рассматривается проблема неэквивалентности информационного обмена между различными социальными группами в условиях глобализации.

Ключевые слова: эпоха модерна; информационный обмен; межкультурная коммуникация; мультикультурализм; социокультурные аспекты глобализации.

Характеризуя специфику исторической ситуации рубежа XX–XXI вв., выдающийся философ и политолог А.С. Панарин писал: «На повестку дня поставлена грандиозная программа внутреннего преобразования всей технической цивилизации, управления технической средой с точки зрения новых экологических, духовных, культурных приоритетов» [5, с. 90]. С точки зрения Панарина, человек выступает в роли субъекта, формирующего текст культуры, он «со-участник» и «со-творец» Истории. Но История не раскрывает будущего, не дает относительно него никаких гарантий: современный человек оказывается, по выражению мыслителя, в ситуации «стратегической нестабильности», предопределенной ходом предшествующей истории и совершившимися в прошлом «роковыми событиями».

Прошлое со всеми достижениями людей в области науки, техники, искусств, философии предстает перед современным человеком как «классика». По Панарину, «методологическое кредо классики состояло в том, чтобы последовательно вскрывать за субъективным объективное, за капризом различных волей — непреложные законы и тенденции» [4, с. 11], т.е. человек не интерпретировался как тотально свободный субъект исторического действия. Вступив в постклассическую эпоху, мы распрощались с этим кредо.

Кредо новой эпохи еще предстоит выработать, но общее осмысление современной куль-

турной ситуации состоит в том, что конец XX и начало XXI в. ознаменованы небывалым реваншем «низкого», реваншем самых примитивных человеческих инстинктов и потребностей. Этот реванш предопределен в свою очередь небывалой свободой современного человека и его беспрецедентной технологической оснащенностью. Вся предыдущая история культуры, пожалуй, не знала подобной драмы. Трудно допустить, что современная массовая культура является такой же существенной духовной альтернативной культуре XIX — первой половины XX в., какой, например, средневековая теология явилась по отношению к упадку позднего эллинизма. Очевидно, мы имеем дело с ситуаций духовного регресса, предопределенно иссяканием творческих импульсов модерна.

Мы сталкиваемся с очевидным парадоксом: небывалый научно-технический взлет в эпоху модерна, предопределивший коренные изменения в повседневной жизни человека, не только не привел современность к морально-нравственному прогрессу, но, вопреки чаяниям многих сциентистов, предопределил духовной регресс современной эпохи. Аналогично, можно утверждать, что рост комфортности жизненных условий большинства людей не привел их к более комфортным душевным состояниям. Проблематизация будущего, обеспокоенность судьбами личного и общественного капитала, новейшими «глобальными» проблемами обнаруживают под собой извечную мятущуюся че-

ловеческую природу. Быть может, «дух, плененный материей» еще более уязвим перед тяготами и испытаниями, чем аскетически лишенный дух предшествующей эпохи. Как заметил Альберт Швейцер: «Мы сошли со столбовой дороги развития культуры, так как нам не свойственно задумываться над судьбами того, что принято называть культурой» [8, с. 33].

Каковы судьбы культуры? Гипотеза заключается в том, что «низкое» в современной культуре доминирует по причине более легкой его переводимости на язык любой этнической или социальной группы, что облегчает трансляцию и усвоение инокультурного («чужого») опыта. Усвоение же образцов, моделей и ценностей «высокой» культуры требует слишком широких оснований, обширного бэкграунда, которого чаще всего нет и не может быть у человека иного культурного ареала. Поэтому в современную эпоху глобальных культурных связей мы особо остро почувствовали контраст между легкостью и скоростью распространения разнообразных повседневных и бытовых практик, произведений массового искусства и замкнутостью, локальностью, непрозрачностью «высокой» культуры.

С чем это связано? Морис Мерло-Понти указывает: «Объективное и научное сознание прошлого и других цивилизаций было бы невозможно, если бы я через посредничество моего социума, моего культурного мира и их горизонтов не сообщался с ними хотя бы теоретически» [2, с. 461–462]. Культурные горизонты, механизмы приятия и отвержения инокультурного опыта, наши познавательные возможности задаются и опосредуются языком, на котором мы говорим. Более того, очевидно, что любое общение, взаимопроникновение культур совершается на уровне межъязыкового взаимодействия. Следовательно, ответ на поставленный вопрос надо искать в соотношении языка и культуры.

Придерживаясь методологии, подсказанной трудами Эдварда Сепира, Бенджамена Ли Уорфа, Михаила Гаспарова, мы должны признать изоморфизм языка и культуры. Следовательно, процессы межкультурных взаимодействий во многом протекают по тем же законам, что и процессы межъязыковые. Логика построения речи по принципу сшивания коммуникативных фрагментов подсказывает нам то, каким обра-

зом фрагменты культурного опыта и знаний различных социальных и этноконфессиональных групп могут объединяться в целостную картину мира.

В соответствии с положениями лингвистики языкового существования, выдвинутыми М. Гаспаровым, языковой шов через внедренное понятие-связку (ценность-связку) позволяет сшивать даже противоположные по смыслу, взаимоисключающие коммуникативные фрагменты в одно высказывание. По аналогии, в соответствии с постулатом об изоморфизме языка и культуры, мы можем утверждать, что «сшивание» фрагментов различных культур происходит либо на основе общих для них ценностей, скрыто присутствующих в сознании носителей культуры и восходящих то ли к мифологической эпохе, то ли к «человеческой природе», либо на основе искусственно внедренных путем индоктринации понятий. В любом случае, речь идет об обращении к фрагментам культурной памяти, когда новообразованные смыслы воспринимаются как анемнезис — припоминание. На самом деле мы, скорее всего, имеем дело с «припоминанием» того, чего никогда не было ни в нашем опыте, ни в нашей культурно-исторической памяти. Таким образом язык реализуется в своей главнейшей — смыслопорождающей — функции.

Кстати говоря, именно здесь, возможно, кроется источник для разного рода политических манипуляций массовым сознанием. Благодаря открытию возможности сращивания в нашем сознании фрагментов различных культур стали столь популярны разнообразные теории и версии мультикультурализма и плюрализма ценностей. В эпоху глобализации вавилонское смешение языков на деле грозит обернуться кризисом идентификации и самоидентификации, разрушением устойчивых понятий и смыслов, укорененных в национальном самосознании, т.е. всем тем, что принято называть «кризисом смысла».

С процессом глобализации связан еще один культурный парадокс, на который указал Зигмунт Бауман в своей работе «Глобализация. Последствия для человека и общества». Он пишет: «...аннулирование пространственно-временных расстояний под влиянием техники не способствует единообразию условий жизни человека, а, напротив, ведет к их резкой поля-

ризации. Оно освобождает некоторых людей от территориальных ограничений и придает экстерриториальный характер некоторым формирующим общество идеям — одновременно лишая территорию, к которой по-прежнему привязаны другие люди, ее значения и способности наделять их особой идентичностью» [1, с. 31].

Указанное Бауманом положение вещей приводит к феномену информационного неравенства в современном мире и неэквивалентности информационного обмена. Можно условно выделить два канала неэквивалентного информационного обмена. Первый — между культурами-донорами и культурами-реципиентами, второй — между референтными и фактически социальными группами. Неэквивалентность информационного обмена в современном глобализирующемся обществе непосредственно связана с проблемой экспроприации символической власти носителями власти экономической и политической. Об этом свидетельствует А.С. Панарин: «Трагедии и срывы — скорее результат авантюры тех, кто пресыщен и избалован, кого одолевает гордыня и связанные с нею нетерпение и нетерпимость... наиболее азартно играют, как правило, те, кто уже сорвал куш и, вопреки благоразумию, тут же пытается судьбу, претендуя на еще большее» [5, с. 7].

Если обратиться к специфике обмена между западной культурой-гегемоном и не-Западными культурами, то становится очевидно: неэквивалентность обмена выражается в том, что в настоящее время западная культура формирует и навязывает свои ценности остальному миру. В этой ситуации «культура-реципиент, лишившаяся способности ставить общие цели, не может привлечь, интегрировать социальные группы, обладающие наибольшим творческим потенциалом» [6, с. 326]. Таким образом, группы, имеющие достаточный культурный престиж и необходимый «мандат на формулировку долгосрочных целей» [6, с. 326], не располагают реальными средствами и ресурсами для их реализации, и наоборот, те, кто имеют достаточное количество средств для реализации символической власти, не имеют достаточного культурного престижа, чтобы самостоятельно формировать цели. Однако в последнее время все усилия западной политической и культурной элиты направлены именно на приобретение такого рода значимости для

обывателя. За этими усилиями цель просматривается вполне определенная — концентрация в руках одной могущественной группы триединой власти: экономической, политической и символической.

Смысл метаморфозы новой глобализированной элиты заключен в том, что она превратилась в референтную группу для рядовых граждан, т.е. группу желаемой, но вряд ли достижимой принадлежности. Здесь можно говорить об огромном числе факторов: от влияния протестантской этики (М. Вебер) до решающей роли современных коммуникационных технологий и средств массовой информации (П. Бурдьё, З. Бауман, Ж. Лакан). Итог состоит в том, что к восьмидесятым годам двадцатого века на Западе была прочно привита идея о «немодности» и «непристижности» бедности. Фактически западная элита стала «фабрикой грез» для обывателя не только Западного, но и не-Западного мира, экспортируя во многом идеализированные сказочные образы своего «богемного» существования, играя на вполне понятном и характерном для большинства людей стремлении к комфорту и благополучию.

Сопутствующим явлением стало стремление современного человека к увеличению своего личного досуга, а это возможно лишь в том случае, если он отдает целый ряд гражданских функций на откуп «добродетельному и заботливому государственному мужу». Кроме того, трансформировался и сам досуг: с развитием индустрии развлечений и масс-медиа человек все больше и больше становится потребителем поставляемых ему «мифов», сам же все более устраняется от активного участия в культурной жизни, что значительно облегчает «глобальной» элите поставленную задачу узурпации символической власти.

Очевидно, что речь идет об искусственном редуцировании духовной сущности человека, не отвечающей реальным потребностям индивида, зато полностью согласующейся со стремлением носителей символической власти к тоталитаризму. «Стремление властвовать над умами себе подобных — одна из самых сильных страстей человеческих» [3, с. 96]. Именно эта страсть и есть мощнейший движитель происходящих в современном культурном обмене процессов.

На глобальном уровне эти тенденции нашли свое выражение в пропагандируемой Западом концепции «открытого общества». Ее суть в призыве всесторонне открыться идеологическому, культурному, политическому и экономическому влиянию Запада. Обосновывается эта химера ссылками на историческую неизбежность и необходимость интеграционных процессов в мире, пропагандируемыми преимуществами глобализма над «устаревшей архаикой» вроде национального суверенитета, самобытной культуры, национальных интересов и т.п. Очевидно, что в ходе реализации такого рода установок глобальный мир обретает свое бытие, становится реальностью, но вовсе не такой, какая пропагандируется концепцией «открытого общества». Это мир без альтернатив, мир доминирования лишь одной культуры и ее специфического набора ценностей.

А.С. Панарин свидетельствует: «Западническая концепция глобализма в целом строится на принципе неэквивалентного обмена. Вместо взаимного культурного обмена здесь предполагается одностороннее культуртрегерство Запада, просвещающего других, но отказывающегося в свою очередь просвещаться с их помощью. Парадоксальным следствием такого гегемонизма является провинциализация Запада. Запад, выступающий в самодостаточной роли, готовый лишь влиять, но не поддаваться другим культурным влияниям, теряет способность к самообучению через мимезис (подражание). Он все хуже знает других, подменяя трудный опыт культурного диалога априорными догматическими схемами. Он все реже задается вопросом о том, как думают и ведут себя другие, подменяя его менторским — как они (другие) должны думать и вести себя в соответствии с его, Запада, представлениями» [7, с. 86].

В настоящее время не-Запад во многом культурно богаче и сложнее Запада. Попытка Запада установить свою гегемонию приняла «характер вызова, требующего неизбежного ответа» [7, с. 87]. Представляется, что даже если Западу удастся установить на время культурную гегемонию и удерживать ее некоторое время с помощью развитых манипулятивных технологий, нам все равно не избежать фазы ответа. Очевидно, что в настоящее время Запад ослабляет себя своей же близорукостью по отношению к другим культурам, преждевременно

списывая их со счетов. Очевидной кажется и невозможность какого бы то ни было «конца истории». Установление гегемонии западной культуры будет иметь тяжелые последствия и для развития мировых культур, ибо резко упадет онтологический статус иного в мире, которое должно выступать источником альтернативного знания, открывая новые горизонты развития.

Возможно, одна из действительных причин указанного положения кроется в «технологической эпохее» XX в. и связанной с ней навязываемой всему миру модернизацией. Тем самым создается однопорядковый, унылый и унифицированный мир: «...от Запада сегодня нельзя ожидать столь насущных реформационных инициатив, направленных на обуздание демона техники. Произошло фактическое самоотождествление Запада с техническим миром: Запад идентифицирует себя как техническая цивилизация и в своем противостоянии не-Западу уповаает только на техническое могущество <...> Однако технологическая альтернатива по большому счету не состоялась: оказалось, что техническая эпопея похитила у нас космическую гармонию, не дав взамен чего-то сопоставимого. И тогда, чтобы избавиться от критики, техническая цивилизация вознамерилась лишить нас самой способности критического суждения, основанного на культурной памяти и тоске по идеалу. Эта отшибленная культурная память и забвение высших духовных ориентиров и измерений являются типичными результатами модернизации» [7, с. 90–91].

Тенденции неэквивалентного информационного обмена в современном мире достигли своего апогея, приобрели характер социокультурного вызова. Долгосрочные последствия вызванных ими глобальных трансформаций еще предстоит осмысливать культурологам, политологам, философам.

Список литературы

1. *Бауман З.* Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Логос, 2004.
2. *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия. СПб.: Наука, 1999.
3. *Наполеон Бонапарт.* Максимумы и мысли узника Святой Елены. СПб.: Азбука, 2000.
4. *Панарин А.С.* Искушение Глобализмом. М.: РНФ, 2000.

5. *Панарин А.С.* Стратегическая нестабильность в XXI в. М.: Алгоритм, 2003.
 6. *Панарин А.С.* Философия политики. М.: Новая школа, 1996.
 7. *Философия истории* / под ред. проф. А.С. Панарина. М.: Гардарики, 1999.
 8. *Швейцер А.* Культура и этика. М.: Прогресс, 1973.
-

SOCIAL AND CULTURAL CHALLENGES AT THE TURN OF THE MODERN ERA

Kirill I. Keychenko

Lomonosov Moscow State University; 27/4, Lomonosovsky av., Moscow, 119991, Russia

This article conceptualizes important sociocultural transformation of Western society because of the depletion of creative impulses of modernity. It focuses on the problem of non-equivalence of information exchange between the different social groups in the context of globalization.

Key words: the era of modernity; information exchange; intercultural communication; multiculturalism; social and cultural aspects of globalization.